

УДК 316.4

Влияние миграционных процессов на формирование кризисных полей в региональном социальном пространстве: некоторые проблемы и решения

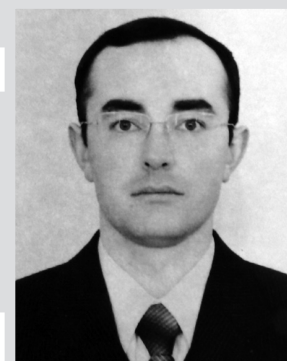

Падерин В.К.

Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии
Казанского государственного архитектурно-строительного университета

Вильданов И.Э.

Старший преподаватель кафедры социологии
Казанского государственного архитектурно-строительного университета

В статье рассматриваются некоторые аспекты проблемы влияния миграционных процессов на формирование кризисных полей в региональном социальном пространстве. Подчеркивается значение объективного ее анализа и наследования многочисленным мифологическим, по своей сути, представлениям, которых сконструировано достаточно много. Доказывается, что необходим взвешенный подход к оценке зон возможной конфликтности, знание реального положения дел, а также разработка действенных практических рекомендаций, касающихся нейтрализации дезинтеграционного потенциала практик взаимодействия регионального социума и мигрантов.

Ключевые слова: региональный социум, мифотворчество, причины миграции, отношения с работодателем, кризисные поля, социальный портрет мигранта, карта потребностей региона в рабочей силе, модель адаптации мигрантов.

Интенсивность миграции (особенно внешней) в настоящее время такова, что наблюдается явное отставание ее осмысления от реально протекающих миграционных процессов, и как следствие, отставание в создании правовой основы и в практических действиях, направленных на взаимодействие социума и мигрантов, которые подчас носят не столько систематический, упреждающий характер, а сколько характер «пожарного реагирования» на уже возникшие кризисные поля в социальном пространстве, которые не всегда носят адекватный характер.

Во многом этому способствуют многочисленные мифы, которые сложились вокруг практик взаимодействия мигрантов и социума их пребывания. Мифы в современных условиях, в отличие от классической мифологии, представлявшей собой образное познание реальности, выполняют скорее

функцию суггестии, то есть внушения, внедрения в массовое сознание населения того или иного региона представлений, отвечающих практическим интересам тех или иных групп (тем более, что есть регионы «трудоизбыточные», а есть те, где трудовых ресурсов действительно не хватает). Многочисленные заявления в средствах массовой информации (за которыми стоят группы интересов) о том, что принятие мигрантов – вынужденная необходимость – это во многом из области мифотворчества, идет, так сказать, «сотворение мифа». Подтверждением этого является тот факт, что в целом ряде регионов Российской Федерации обходятся без труда приезжих, кроме того, вызывает сомнение предпочтение труда мигрантов с низким уровнем квалификации труду квалифицированных рабочих из автохтонов. К такому же роду мифов относятся и такие мифо-

логические конструкции как: масштаб миграции («мигранты заполнили российское социальное пространство», «идет миграционная эскалация» и т.п.); драматизация последствий неконтролируемой миграции («банды гастарбайтеров», «армия нелегальных мигрантов может превратиться в армию разбойников», «мигрантское нашествие – угроза стране» и т.п.) [1] и т.д.

Если говорить о направлениях мифотворчества миграции, то обращает на себя внимание следующее: одни ее демонизируют; другие говорят, что ничего страшного нет; третьи – призывают пустить миграционные процессы на самотек, полагая, что это – объективный процесс, и что рано или поздно все само собой разрешится. В этой связи представляется уместным привести высказывание П. Бурдые, который в работе «Практический смысл» писал: «Производитель дискурса о предметах социального мира, забывающий объективировать точку зрения, исходя из которой он выстраивает свой дискурс, с большой вероятностью не сможет показать ничего другого, кроме этой самой точки зрения» [2, с. 56]. То есть без объективации своей позиции есть возможность создания предпосылок для весьма экзотических оценок миграционных процессов, подчас очень и очень далеких от реального положения дел, что и наблюдается в информационном поле.

Все это еще раз подтверждает мысль о необходимости изучения миграционных процессов не вообще, абстрактно, а с учетом социального контекста и уровня социумных масштабов, на которых они осуществляются. Миграционные процессы могут протекать на различных социумных уровнях: мега, макро, мезо и микро. Мегауровневые миграции носят глобальный характер и происходят на уровне мирового сообщества, и не в последнюю очередь, их появление связано с процессом глобализации, который характеризуется увеличивающимся воздействием факторов международного значения на жизнь тех или иных социальных групп в отдельных странах, при этом не всегда позитивно.

Макроуровневые миграционные процессы охватывают отдельные общества, государства и т.д. Мезоуровневые миграционные процессы осуществляются на уровне сообществ, занимающих промежуточное положение в социумах (в регионах, например). Микроуровневые миграции осуществляются на уровне общностей «малых размеров».

Поскольку Россия – страна регионов, отличающихся друг от друга, порой, очень существенно, то есть смысл миграционные процессы и кризисные поля рассматривать на регионально-социумном уровне.

Мигранты приезжают в различные регионы России по разным причинам. Одни – чтобы улучшить качество своей жизни в материально-бытовом отношении, социальном (иметь возможность учить

детей, пользоваться благами системы социальной защиты, здравоохранения и пр.), наконец, в духовном (включая фактор ностальгии по родине; это касается тех, чьи предки были выходцами из России). Одним словом, чтобы обеспечить комфортное существование. Данная категория мигрантов относится к группе добровольных переселенцев. Есть те, кто переселяется вынужденно, в силу сложившихся обстоятельств (веер причин тут довольно велик, от эндогенных до экзогенных факторов). Еще одна группа мигрантов – те, для кого характерно принудительное переселение. Это касается тех, кого просто вытесняют, «выдавливают» из страны, и кто, образно говоря, является персоной нон грата (*persona non grata*). Существуют также «маятниковые» мигранты, те, кто приезжает на заработки, а потом опять возвращается (иногда называемая «циркулярной миграцией»).

Исходя из демографических проблем российского социума (уровень рождаемости, старение рабочей силы, увеличение количества людей пенсионного возраста), некоторые исследователи однозначно оценивают внешнюю трудовую миграцию, как объективно необходимую и глобально позитивную. Представляется, что не все здесь так просто. Нет оснований оценивать миграцию вообще, безотносительно к ее форме, содержанию и качеству. Ведь есть еще и нелегальная миграция, которая носит скрытый, латентный характер, и цели которой не всегда связаны с проблемами трудоустройства (нелегальные мигранты – это, образно говоря, «люди-невидимки»; они на самом деле есть, но их как бы нет). Вызывает сомнение приведенная выше позиция и с точки зрения качества трудовой миграции. Модернизация требует притока в страну высококвалифицированной рабочей силы. Приезжают же в основной своей массе те, кто способен заниматься преимущественно неквалифицированным трудом. Такая миграция не способствует модернизации, ведет к консервации рудиментарных трудовых отношений, находящихся в конфронтации с объективными требованиями инновационного развития, формирует теневой контекст модели рыночной модернизации страны. Как отмечают исследователи А.В. Дмитриев и Г.А. Пядухов, она закрепляет архаические и «теневые» трудовые практики в стране прибывания, создает предпосылки для стимулирования неправовых отношений с работодателями и имеет мало общего с правом человека на «труд и его достойную оплату, защиту от произвола и беззакония» [3, с. 209].

Качество легальной миграции и наличие миграции нелегальной прямо пропорционально формированию проблемных полей. И это проявляется во многих сферах жизни региональных социумов. Создается напряженность во взаимоотношениях мигрантов и автохтонов, которая связана с целым ря-

дом факторов, во-первых, с вытеснением последних с рынка труда. Во-вторых, с широким использованием работодателями «теневых» практик взаимоотношений с мигрантами. Не «отягощенные» моралью, не «ограничиваемые» правовыми нормами и ответственностью перед обществом в целом, так как их основная цель – извлечение максимальной прибыли в денежном эквиваленте, и не только, они подчас прибегают к дискриминации, мошенничеству, обману и пр., что также не может не создавать предпосылок для возникновения «зон» социальной напряженности.

Латентный протестный потенциал выплескивается подчас наружу и проявляется в различных конфликтах, в том числе и в межэтнических. Тем более, что для этого есть предпосылки не только в трудовых отношениях, но и в том, что с приездом мигрантов в регион с неизбежностью нарушается традиционно сложившийся этнический баланс, неизбежно возникает этнический дисбаланс. Вспыхивающие время от времени в регионах межнациональные конфликты носят, как правило, не собственно этнический характер, а являются скорее «смещенными» по своей сути. За межэтническим конфликтом скрывается совсем другой, уходящий своими корнями в отношения с работодателями (в том числе и частными предпринимателями), которые в ряде случаев носят откровенно эксплуататорский характер (работодатели нередко «играют с огнем», создавая, может даже неосознанно, конфликтные поля). С одной стороны, мигрант стремится заработать. А с другой – он бесправен (нелегальный мигрант, образно говоря, относится к категории «людей-невидимок»). Но иногда обстоятельства складываются так, что это внутреннее противоречие обостряется настолько, что «надеющаяся часть личности» начинает изо всех сил биться о бесправную, а в итоге формируется внутренний диссонанс, который может выплеснуться наружу в той или иной форме.

Внутренний протест против такого рода отношений, наложившийся на трудности адаптации и аккультурации, выражается в создании замкнутых сообществ приезжих (со своими социальными сетями), которые «работают» не на социальную интеграцию, а дезинтеграцию с местным населением. У каждого человека есть социальные потребности, составляющими которых являются «потребность в принадлежности», «потребность в понимании», «потребность в защищенности» и т.д.

Замкнутые локально-анклавные сообщества являются не только механизмом социального отчуждения между «своими» и «чужими» и фактором дезинтеграции людей в социальном пространстве, но и подчас напоминают группировки делинквентного характера, а иногда и действительно являются таковыми. Включаясь в них и изолируясь от реалий той среды, в которой он находится, закрыва-

ясь от взаимодействия и интенсивных контактов с автохтонами, мигрант платит за это очень высокую цену. Прежде всего он теряет собственное «Я», перестает быть самостоятельной и мыслящей личностью (главное, чтобы «поняли», «признали своим», «прикрыли», «защитили»). Как следствие, расцвет в таких замкнутых сообществах агрессии и экстремизма. И, в общем, это закономерно. «Сбившиеся» в такого рода замкнутые сообщества, спрятавшиеся, закрывшиеся от окружающего мира люди не могут предложить той социальной среде, в которую они имплантированы, ничего другого, кроме яростного неприятия «чужого» и агрессии. Последняя усугубляется и ситуацией внутри диаспор, где царит жесткая иерархия, где присутствует конкурентная борьба, где существует деление на «элиты» и рядовых участников. Первые, приехавшие в страну раньше и более адаптированные, чем «новички», контролируют мигрантские социальные сети, опираясь на «ближний круг» (чаще всего родственников), используют этот «организационный ресурс» для реализации, в первую очередь, личных интересов, подчас подвергая неадаптировавшихся соотечественников жесточайшей эксплуатации, тем самым еще больше усиливая их потенциальную готовность к конфликтам, которая может проявляться по-разному, в том числе и в делинквентных формах выражения. Не говоря уже о конкурентной борьбе между диаспорами. Соответственно, причины делинквентных практик мигрантов нужно искать не только в факторах, связанных с внешним окружением, но и в факторах, связанных с процессами, происходящими как внутри мигрантских сообществ, так и с отношениями, складывающимися между ними (явления монополизма, борьба за раздел сфер влияния).

Конфликтные поля, время от времени возникающие в различных региональных социумах, помимо всего прочего, негативно сказываются как на престиже отдельного региона, так и на привлекательности страны пребывания в целом. Индекс миграционной привлекательности России в последние годы приобрел тенденцию к росту. Поэтому требуется обратить пристальное внимание на дезинтеграционный потенциал, связанный с мигрантами. В этой связи необходим анализ факторов, лежащих как «во вне», в социальном окружении мигрантов, так и находящихся «внутри» мигрантских сообществ.

Для того, чтобы практики взаимодействия региональных социумов и мигрантов развивались по позитивным сценариям, требуется пристальное внимание к ним и соответствующие действия. Шагом в этом направлении может быть практика создания, составления социального портрета мигранта в регионах. Опыт составления такого рода социального портрета мигранта в отдельных регионах есть [4; 5]. Он складывается из следующих компонентов: а) откуда идут миграционные потоки; б) каков их объем;

в) какова скорость каждого из них; г) каков их качественный состав (уровень образования мигрантов; наличие профессии и какой этнический состав; степень близости по ментальным и социокультурным особенностям к населению «пункта прибытия»; языковой ресурс; возрастные характеристики; профессиональная принадлежность; криминогенный потенциал; причины, по которым покинул место прежнего проживания и т.д. и т.п.). Если с помощью социологов не будет создан «социальный портрет мигранта», то можно получить ряд негативных моментов во взаимоотношениях населения региональных социумов и приезжих.

Имела бы смысл разработка карты потребностей региона в том или ином виде рабочей силы. В противном случае заполнение имеющихся вакантных рабочих мест будет осуществляться спонтанно и создавать предпосылки для обострения отношений между автохтонами и аллохтонами. Программы отбора мигрантов и регулирования миграционных потоков также способствовали бы повышению эффективности практик взаимодействия региональных социумов и прибывающих в них. Важное значение, как представляется, имеет знание реальных адаптационных практик, используемых мигрантами, а также наличие в регионе программ адаптационных стратегий мигрантов, пребывающих как в мегаполисы, так и в крупные, средние, малые города, а также в сельские населенные пункты. Тем более, что процессы адаптации и аккультурации приезжающих в них имеют свою специфику, своеобразие и ресурсную базу.

Перечисленные выше предложения были бы более эффективны, если бы имели под собой социологическое сопровождение и опирались на данные опросов местного населения и приезжих, причем носящих не эпизодический, а мониторинговый характер.

Таким образом, анализ показывает, что при реализации программ оптимизации взаимоотношений между жителями того или иного социума и мигрантами требуется взвешенный подход, основанный на знании реального положения дел, а не эмоциональные, а тем более алармистские оценки.

Литература:

1. Мукомель В.И. Российские дискурсы о миграции: «нулевые годы» // Россия реформирующаяся: Ежегодник, 2011 / Отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. Вып. 10. – СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. – С. 86-108.
2. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко / Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
3. Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Интеграционный и дезинтеграционный потенциал практик взаимодействия социума и мигрантов // Россия реформирующаяся: Ежегодник, 2010. Вып. 9. – М.: Новый хронограф, 2010. – С. 209-225.
4. Ситникова Е.Л. Социальный портрет трудового этнического мигранта в Нижегородской области // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2011. – № 4. – С. 53-59.
5. Падерин В.К., Митрошина О.В. Миграция как вид социальной мобильности: проблемы и последствия // Тезисы докладов 65-ой Всероссийской научной конференции. – Казань: КГАСУ, 2013. – С. 310.

The Impact of Migration Processes on Formation of Crisis Fields in Regional Social Space: Problems and Solutions

V.K. Paderin, I.E. Vildanov
Kazan State University of Architecture and Engineering

The paper deals with the impact of migration processes on formation of crisis fields in regional social space. The author emphasizes the significance of objective analysis and suggests not following numerous mythological ideas. The necessity of balanced approach to the assessment of conflict zones, knowledge of actual state of things, and working out of efficient recommendations concerning neutralization of disintegration potential of interaction of regional society and migrants has been proved.

Key words: regional society, myth-making, reasons for migration, relations with the employer, crisis fields, social portrait of the migrant, the map of regional demand of man power, the model of adaptation of migrants.